

А в небе, седые от пыли,
Стояли камфарные лавры
И в бледные трубы трубили,
И в медные били литавры.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ.

Вет. клуб — 1994, — 30 июня — С. 7 Черная аура Ильи Глазунова

И снова Глазунов! И снова в Манеже! Первая выставка Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества. Грандиозная экспозиция Учителя и его учеников. Ученики представили ряд просто хороших работ, но так уж принято — говорят только о тех, кто взшел на Олимп успеха. А на самом его

верху сияет, конечно, Илья Сергеевич Глазунов. В разные годы его называли по-разному: салонный художник, религиозный мистик, подпевала буржуазного модернизма, идол массовой культуры и, наконец, король китча. Сам набор ярлыков примечателен.

Бойтсся смотреть? Зря. Смотреть-то, собственно, нечего. Эротическая тема неестественна для Глазунова. Его обнаженные женщины — какие-то неживые, неплотские, мраморные.

В чем преуспел Глазунов, так это в своих гигантских полотнах. Это прежде всего триптихи: «Мистерия XX века» (1977), «Вечная Россия» (1988) и «Великий эксперимент» (1990). Кого здесь только нет! Гитлер и Мао, Эйнштейн и Кеннеди, Ленин и Солженицын, президенты, премьеры, генсеки, вожди и прочие видные исторические фигуры, и, конечно, плюс сам Илья Глазунов.

Зрителя наперебой гадают:

— А где Шалыпин?

— Вот он рядом с царем в короне, кажется, это Александр III.

— А кто в шапочке?

— Не знаю, но, может, академик Зелинский.

— А кто с ним?

— Дягилев. Это точно.

Идет эдакая увлекательная игра «Угадай-ка!» или «Поле чудес».

Такая же история повторяется у картины «Моя жизнь» (1994). «В этой картине я, — говорит Глазунов, — пытаюсь осмыслить всю свою сложную жизнь, исполненную борьбы, травли, любви и ненависти. Это моя исповедь». Но исповеди зрители не замечают, как не выкают и в заложенные Глазуновым «философские мыслеобразы». Они заняты иным: кто изображен в «Моей жизни», где жена, где дочь, как сложились их судьбы и т. д. То есть идет не философский, а чисто бытовой разгад содержания картины.

Но если бы просто угады-

вали, то это было бы вполне безобидно, но Глазунов, к сожалению, предложил публике и определенный политический выбор. «Россия, проснись!» — так называется картина, которая открывает экспозицию выставки и служит ее рекламным постером. Критики уже подметили сходство глазуновской картины с картиной из эпохи третьего рейха «Германия, проснись!». Были и более резкие оценки: «Илья Глазунов репетирует апокалипсис в Манеже. От постмодернизма к фашизму». Обратите внимание: на картине «Россия, проснись!» на фоне полубога-юноши с воздетым кверху автоматом и «Новым Заветом» в руках разбросаны по холсту характерные надписи, в том числе и популярные среди погромщиков («Россия — русским!»). Прибавьте к этому масонские знаки — и разве не ясно, на что намекает художник и кто именно является врагом России?

Это живопись? На мой взгляд — живописно — политическое шоу. Стою у полотна и слышу сзади женский голос: «От этой картины исходит черная аура».

Придя с выставки, я перелопачивал свое досье на художника и натолкнулся на высказывание художника Юрия Журавлева о Глазунове: «Творчество этого человека — это невроз с огромной силой отрицательного влияния». Любопытное совпадение оценок, не правда ли?

Сам Глазунов считает, что он «служит Богу, совести и России», что он — «вахтер, столп, постовой с оружием... Стою и стреляю до конца, охраняя культуру».

Какую культуру? И как все же ее охранять? Швырять камни, бить стекла и плевать, как мы это уже видели в разные дни в Москве? Хочет Глазунов того или нет, но последние его работы и заложенная в них агрессивно-патриотическая идея вызывают у некоторой части населения, и без того излишне возбужденной, дополнительные импульсы злости и ненависти. Это нужно?

Кому-то, как уже говорилось, нравится. В роскошно изданном к выставке буклете приведены слова Сергея Михалкова: «Илья Глазунов — гениальная личность...»; Станислава Говорухина: «Для меня Глазунов прежде всего энциклопедист... Во-вторых — он очень любит Родину...»; Александра Невзорова: «Для меня Глазунов всегда был просто восхитителен, был просто необыкновенно близким мне человеком...».

Они, конечно, понимают, за что они любят Глазунова... Эстетика того же Невзорова очень проста — цитирую: «Живопись — штука практическая. Ей должно быть приращение в самых высоких запросах жизни. Просто пятно, просто цвет — хуже или лучше — меня не беспокоят...».

В этом-то все и дело. И что бы кто ни говорил, а из глазуновского призыва «Россия, проснись!» прорастает не гуманистическая идея возрождения, а «практические» семена ярости и бескомпромиссной борьбы. Будь жив сегодня вождь революции, он бы, наверное, одобрил: «Очень своевременная выставка». Своевременная для кого и для чего?

Юрия БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

Признаюсь открыто: Глазунов не мой художник. Но тем не менее давно за ним слежу и отдаю ему должное за: первое — умение постоянно находиться в нерве дня. Или, скажем по-другому, чувствовать конъюнктуру (отсюда сенсационность, скандальность и прочие атрибуты внимания критики и зрительских масс). И второе — за огромную работоспособность (настоящая, в лампочках и хлопушках. Нарядная елочка у синего ночного окна, а в небе — луна. Красиво. Вот, к примеру, «Новогодняя елка» (1989). Самая настоящая, в лампочках и хлопушках. Нарядная елочка у синего ночного окна, а в небе — луна. Красиво.

Последний пример: картина «Пушкин». Пушкин свеженький, этого года. Красивый и кудрявый на фоне Петербурга, тоже, естественно, весьма красивого, на дальнем плане — колонна с ангелом. Но кто герой? Преуспевающий литератор? Благополучный чиновник? Благонравный семьянин? Кто угодно, но только не Александр Сергеевич. Хотя в целом картина ласкает взор и вполне может украсить интерьер как музея, так и домашней квартиры.

Впрочем, это всего лишь мое мнение. Я эти работы увидел так, другой, возможно, воспримет их совсем иначе. У одних Глазунов вызывает горячее поклонение. У других — холодное презрение. Одни принимают его на «ура!», другие не видят в упор. Это подтверждают и книги отзывов.

«Дорогой, горячо любимый, наш русский художник Илья Глазунов, чистая, светлая душа, которая болеет за Русь...»

мо, немалую часть публики. Возможно, то, что художник отразил «эстетику улицы», как выразился некогда Салтыков-Щедрин. Ее уровень, ее запросы. Одеситы в таких случаях говорят: сделайте нам красиво! И Глазунов делает. Красиво. Душевно. И, главное, понятно.

Вот, к примеру, «Новогодняя елка» (1989). Самая настоящая, в лампочках и хлопушках. Нарядная елочка у синего ночного окна, а в небе — луна. Красиво.

Последний пример: картина «Пушкин». Пушкин свеженький, этого года. Красивый и кудрявый на фоне Петербурга, тоже, естественно, весьма красивого, на дальнем плане — колонна с ангелом. Но кто герой? Преуспевающий литератор? Благополучный чиновник? Благонравный семьянин? Кто угодно, но только не Александр Сергеевич. Хотя в целом картина ласкает взор и вполне может украсить интерьер как музея, так и домашней квартиры.

Впрочем, это всего лишь мое мнение. Я эти работы увидел так, другой, возможно, воспримет их совсем иначе. У одних Глазунов вызывает горячее поклонение. У других — холодное презрение. Одни принимают его на «ура!», другие не видят в упор. Это подтверждают и книги отзывов.

«Дорогой, горячо любимый, наш русский художник Илья Глазунов, чистая, светлая душа, которая болеет за Русь...»

Эля и Светлана.

«Удручена этой выставкой. К сожалению, ученики на уровне учителя, которому только в покойницкой работать, мертвецов раскрашивать. Считаю Глазунова позором современной живописи. Любитель живописи В. Прохоровская».

Вот так лихо качается маятник мнений!..

Просмотр картин сопровождается музыкой. Я спросил у консультанта, кто ее подбирает. Мне ответили: сам Илья Сергеевич. Принес кассеты, и вот звучат его любимые мелодии: Бах, Альбини и прочая возвышенная хоральная музыка. На мой взгляд (вернее, слух), она никак не корреспондирует с выставленными полотнами. И в этом я не одинок.

Глазунов — художник, который прекрасно чувствует вкус зрителей и мгновенно откликается на его потребности. Если в обществе намечается поворот к религии, то Глазунов представляет на обозрение лики святых. Спрос на эротику — пожалуйте, получите серию «ню». В Манеже выставлены «Девушка в джинсах» (1979) — эдакий вариант топлесс. «Ночь» (1989). «Ведьма» (1990). На последней изображена обнаженная молодая женщина. В ногах — черный кот. Еще картина — «Море» (1987). Обнаженная молодая женщина с воздетыми руками на фоне моря. Рядом мужчина, заслонивший лицо

